

ОТДѢЛЪ II.

1. БРИТІЯ.

Проф. И. И. Соколовъ. *Усыновленіе и его отношеніе къ браку въ Византіи и на современномъ греческомъ Востокѣ.* Историко-правовой очеркъ. С.-Петербургъ. 1910. Стр. 127.

Въ настоящемъ изслѣдованіи проф. И. И. Соколовъ поставилъ себѣ задачу—разсмотрѣть актъ усыновленія, съ гражданско-правовой и церковно-канонической точекъ зрѣнія, и прослѣдить историческую его судьбу въ Византіи и на греческомъ Востокѣ вплоть до нашихъ дней. Такая задача должна представлять интересъ не только научный, но и церковно-практической, въ виду полной неразработанности этого вопроса въ иностранной и русской ученой литературѣ и въ виду предстоящаго у насъ пересмотра дѣйствующаго положенія объ усыновленіи, какъ препятствіи къ браку.

Усыновленіе, какъ говоритъ авторъ во вступленіи въ свое изслѣдованіе (стр. 3—4), было однимъ изъ существенныхъ элементовъ въ поддержаніи семейственнаго права въ Византіи. Оно перешло въ область византійскихъ семейственныхъ отношеній изъ древняго Рима, но на новой православно-христіанской почвѣ и, подъ воздѣйствіемъ творческихъ началъ византійской культуры, получило своеобразный юридическій характеръ. Особое значеніе сообщила усыновленію греко-восточная церковь, которая одухотворила этотъ древній юридическій актъ въ самомъ его существѣ и распространила его вліяніе на законъ о бракѣ и возникающія отсюда отношенія. Свой церковный характеръ усыновленіе сохранило на греческомъ Востокѣ до настоящаго времени.

Сочиненіе проф. И. И. Соколова распадается на четыре главы.

Въ 1-ой главѣ, подъ заглавіемъ: «Гражданское усыновленіе въ Византіи» (стр. 4—36), авторъ подробно излагаетъ исторію гражданской стороны усыновленія въ Византійской имперіи до XIV вѣка. Указавъ на то, что «въ Институціяхъ, Дигестахъ и Кодексѣ Юстиніана († 565 г.) усыновленіе признается такимъ гражданско-юридическимъ актомъ, при посредствѣ котораго усыновитель, исполнивъ опредѣленные требованія и

формальности закона, принималъ на мѣсто сына или внука другое лицо и вступалъ съ нимъ въ гражданское родство со всѣми личными и имущественными послѣдствіями» (стр. 5), проф. И. Соколовъ подробно останавливается на законодательствѣ объ усыновленіи, содержащемся въ знаменитыхъ *Василикахъ* (*Τὰ Βασιλικὰ* — Царскія книги) императора Льва VI Мудраго (886—911) и въ позднѣйшихъ его новеллахъ, а также въ послѣдующихъ памятникахъ права (въ распространенномъ Прохиронѣ XIII—XIV в., Шестокнижии Константина Арменула XIV в., въ *Синтагмѣ* Маттея Властаря 1335 г. и др.).

По *Василикамъ*, требовалось, чтобы «берущій въ усыновленіе былъ старше усыновляемаго, такъ какъ усыновленіе создано по подражанію природѣ, а природа знаетъ отца старше сына: было бы страннымъ и чуждымъ природѣ говорить, что сынъ старше отца. Это имѣетъ приложение и въ отношеніи къ подвластнымъ и самовластнымъ. Должно, чтобы отецъ былъ выше 18 лѣтъ отъ роду, потому что этотъ именно возрастъ называется полнымъ юношествомъ (*ἐφηβότης*), когда достигаютъ возмужалости и тѣ, которые развиваются медленно, и когда совершенно измѣняется и ихъ внѣшній видъ (§ 50). Что касается внуковъ, то *Василики* различаютъ между ними спадоновъ (*σπαδωνες*), кастратовъ (*καστράτοι*) и оливіевъ (*Ὀλιβίαι*). Кастратъ и оливіевъ не принимаютъ въ усыновленіе ни самовластнаго отъ царя, ни подвластнаго отъ архонта, ибо кому природа отказала въ дѣторожденіи, тѣмъ отказываетъ и законъ, идущій по слѣдамъ природы,—такъ какъ дѣторожденіе для нихъ дѣло безнадежное. Спадонъ же, у котораго, естественно, есть надежда избавиться отъ болѣзни и получить способность къ дѣторожденію, можетъ принимать въ усыновленіе и подвластнаго, и самовластнаго, но, усыновляя подвластнаго, онъ не долженъ имѣть его подъ своею властью (§ 51).—Въ XXVI новеллѣ императоръ Левъ узаконилъ право усыновленія для всѣхъ внуковъ, которые (за исключеніемъ т. н. спадоновъ, потерявшихъ по болѣзни способность къ дѣторожденію) въ *Василикахъ* и въ предшествующемъ гражданскомъ законодательствѣ были лишены этого права. «Царство наше, говорится въ этой новеллѣ, признавая справедливымъ не налагать двойное—посредствомъ закона—наказаніе на тѣхъ, которые уже подверглись наказанію со стороны людей, — узаконяетъ, что всѣ желающіе усыновлять могутъ безпрекословно исполнять свое желаніе, потому что благодѣяніе является особенно необходимымъ тамъ, гдѣ и помощь отъ него бываетъ наиболѣе существенной. Въ частности, внухамъ усыновленіе по закону особенно необходимо потому, что только такимъ способомъ они получаютъ возможность быть отцами, а равно будетъ для нихъ доступно пользоваться и попечительностью со стороны сыновей, лишать же ихъ этого будетъ совсѣмъ не человѣколюбиво. И подобно тому, какъ лишенный голоса не встрѣчаетъ препятствій исполнять языкъ рукою, а кто не можетъ пользоваться устами, прибѣгаетъ къ помощи письма, для выраженія предъ родственниками своихъ желаній:

такъ надлежитъ не препятствовать лишеннымъ возможности имѣть дѣтей утѣшаться инымъ способомъ въ своемъ затруднительномъ положеніи» (стр. 22).—Въ XXVII-ой новеллѣ Левъ Мудрый даровалъ право усыновленія всѣмъ желающимъ: «какъ тотъ, кто былъ лишенъ дѣтей мужскаго пола, такъ и та, которую солнце не видѣло еще матерью, потому что не только усыновленіе имѣетъ указанныя выше преимущества, но и дѣвство, по мнѣнію василевса, является почтеннымъ и уважаемымъ. Вѣдь тѣ, которыя предпочли дѣвство браку, бываютъ однако проникнуты сильною любовью къ дѣтямъ, и когда будутъ знать, что, не вступая въ бракъ, онѣ могутъ имѣть дѣтей, то не станутъ пренебрегать цѣнностью дѣвства» (стр. 23).

Кромѣ юридической стороны, унаслѣдованной отъ римскаго права, усыновленіе постепенно восполнилось другимъ актомъ—церковнымъ, который со временемъ приобрѣлъ даже первенствующее и преобладающее во всемъ процессѣ значеніе. Такъ, усыновленіе приобрѣло въ Византіи сложный составъ, въ которомъ параллельно и совмѣстно существовали два главныхъ элемента—гражданскій и церковный. Послѣдній также имѣетъ свою краткую исторію. Исторію этого послѣдняго авторъ даетъ во 2-ой главѣ своего изслѣдованія подъ заглавіемъ: «Церковное усыновленіе въ Византіи» (стр. 36—65).

Церковный элементъ въ процессѣ усыновленія, по его мнѣнію, возникъ въ Византіи, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ таинства святаго крещенія (стр. 37). Проф. И. И. Соколовъ приводитъ нѣсколько примѣровъ усыновленія, изъ которыхъ отмѣтимъ нѣкоторые. Такъ, византійскій императоръ Михаилъ III въ апрѣлѣ 866 года усыновилъ (ὀιοποίηται) Василия Македонянина, будущаго императора, — такъ какъ самъ не имѣлъ дѣтей,— и почтилъ его достоинства магистра; усыновленіе, въ которомъ византійскій историкъ усматриваетъ дѣйствіе промысла Божія, много потомъ содѣйствовало Василию въ занятіи царскаго престола.

Анна Комнина сообщаетъ, что императрица Марія, супруга Никифора III Вотаниата (1078—1081), усыновила ея отца Алексѣя Комнина, будущаго византійскаго императора (1081—1118 г.). Затѣмъ, историкъ Михаилъ Пселлъ рассказываетъ объ интересномъ фактѣ усыновленія византійской императрицей Зоей будущаго императора Михаила V Калафата, состоявшагося въ концѣ 1034 года. Усыновленіе совершилось по хитрому совѣту орфанотрофа Іоанна, фактически захватившаго въ свои руки всю власть въ имперіи и стремившагося обезпечить престолъ за Пафлагонскимъ домомъ. Онъ уже сумѣлъ выдать императрицу Зою, представительницу Македонской династіи, въ замужество за своего брата, потомъ императора Михаила IV Пафлагона (1034—1041 гг.), но такъ какъ у нихъ не было дѣтей, то единственный прямой путь къ престолу состоялъ для Пафлагонскаго дома въ усыновленіи императрицей Зоей кого-либо изъ членовъ этой фамиліи, дабы онъ сперва состоялъ кесаремъ до смерти Михаила IV, а потомъ занялъ его мѣсто. Выборъ хитраго

орфанотрофа Іоанна палъ на молодого племянника царя по сестрѣ, Михаила Калафата. Онъ быстро убѣдилъ императора въ необходимости для императрицы усыновить его племянника и сдѣлаться «матерью» послѣдняго, а потомъ оба они расположили къ этому и Зою. И вотъ, императрица Зоя и Михаилъ Пафлагонъ объявили всенародный праздникъ и приказали всѣмъ собраться въ храмъ во Влахернахъ. Въ назначенный день въ храмѣ присутствовало многочисленное собраніе богомольцевъ. Здѣсь и былъ торжественно совершенъ обрядъ усыновленія, при чемъ императрица «отъ вратъ Божественнаго алтаря восприняла Михаила въ чинъ сына» (εις οἴου τὰξιν ἀναλαμβάνει), а потомъ предъ всѣми явилась, какъ мать, съ своимъ новымъ сыномъ. Императоръ, въ свою очередь, почитая Михаила, какъ сына царицы, возвелъ его въ достоинство кесаря. И собравшіеся многолѣтствовали царей. Особенно же радовался орфанотрофъ Іоаннъ. — Любопытное дѣло, касающееся усыновленія, восходило на разсмотрѣніе патріаршаго Константинопольскаго синода при византійскомъ патріархѣ Іоаннѣ XIII Гликѣ (1315 — 1320 гг.) Великая папіена Евдокія Нестонгонисса, тетка императора Андроника II Палеолога, сообщила патріарху и синоду, что она нѣкогда усыновила одну семилѣтнюю дѣвочку, долго и заботливо воспитывала ее, любила, какъ родную дочь, и передала ей немало вещей, частью въ качествѣ залога и для сохраненія, частью какъ приданое, когда она по закону выйдетъ замужъ. Она же, какъ будто забывши о всѣхъ ея благодѣяніяхъ, промѣняла ее на людей, ей враждебныхъ, и въ своей надменности не только оклеветала ее, осмѣяла и злонамѣренно унизила, но и вопреки ея желанію вышла замужъ и при этомъ удержала у себя ея вещи. Поэтому Евдокія просила патріарха опять сохранить за ней ея вещи, отданныя усыновленной дочери, — вслѣдствіе неблагодарности и злостнаго настроенія, которыя послѣдняя къ ней проявила. Патріархъ и синодъ признали эту просьбу правильной и постановили, чтобы предварительно просительница взяла у своей дочери по усыновленію тѣ вещи, которыя она ввѣрила ей для охраны и залога, а потомъ было произведено разслѣдованіе, дѣйствительно ли дочь дурно относилась къ матери по усыновленію и допустила въ отношеніи къ ней неблагодарность и безчестіе, вмѣсто того, чтобы хранить къ ней признательность, и если справедливость этого будетъ доказана, тогда, по суду синода, у дочери необходимо взять данное ей матерью приданое, такъ какъ она, послѣ обнаруженной неблагодарности, еще самовольно вышла замужъ. Въ виду этого синодъ предписалъ митрополиту города Филиппъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ архіепископомъ города Драны разслѣдовалъ дѣло и, если будетъ доказана справедливость жалобы, помогъ просительницѣ взять отъ дочери данное ей приданое, — «ибо законами, — сказано въ патріаршей и синодальной грамотѣ, — эта женщина осуждается на лишеніе пожалованія и дара, какъ потому, что она сильно оскорбила свою благодѣтельницу, такъ и потому, что вопреки ея волѣ вышла замужъ». Такимъ образомъ, византійская

церковь охраняла институтъ усыновленія и отъ различныхъ злоупотребленій, касавшихся взаимныхъ отношеній родителей и дѣтей по усыновленію.

Въ слѣдующихъ двухъ главахъ проф. И. И. Соколовъ разсматриваетъ «усыновленіе въ отношеніи къ браку въ Византіи» (III-я глава стр. 65—96) и «въ правѣ и практикѣ православныхъ церквей греческаго Востока новѣйшаго времени» (IV глава, стр. 96—127). Со времени императора Льва Мудраго († 911 г.), усыновленіе получило въ Византіи исключительно церковный характеръ, подъ воздѣйствіемъ котораго и опредѣлилось его принципиальное отношеніе къ браку, причемъ родство по усыновленію со второй половины X вѣка (въ распространенной эпаногогѣ), въ силу церковнаго его характера, получило въ отношеніи къ браку такое же значеніе, какое принадлежитъ родству физическому или кровному. Въ виду же того, что не только церковнымъ, но отчасти и гражданскимъ законодательствомъ Византіи бракъ въ кровномъ родствѣ (боковомъ) запрещался до седьмой степени включительно, эта степень была гранью дозволенныхъ браковъ и для лицъ, находившихся въ духовномъ родствѣ по усыновленію.

Послѣ паденія Византіи (1453 г.) усыновленіе сохранило среди христіанъ Турціи прежнее значеніе, какъ по своему существу, такъ и въ отношеніи къ браку. Дѣла по усыновленію и въ настоящее время относятся къ правамъ и привилегіямъ патріарха и епархіальныхъ архіереевъ, съ утвержденія которыхъ они и получаютъ свою законную силу. Въ основѣ дѣйствующаго нынѣ въ константинопольской церкви законодательства объ усыновленіи находится византійское право, какъ оно выразилось въ Институціяхъ, Дигестахъ или Пандектахъ, Кодексѣ императора Юстиніана и его новеллахъ, въ Василикахъ, новеллахъ императора Льва Мудраго, въ Синтагмѣ Властаря и въ Шестокнижій Арменопола. Лишь въ частностяхъ и подробностяхъ его законодательство не совпадаетъ съ своимъ первоисточникомъ. Надо замѣтить, однако, что на обычай усыновленія среди христіанъ Турціи отчасти оказало свое вліяніе и мусульманское право. Профессоръ И. И. Соколовъ, между прочимъ, отмѣчаетъ тотъ любопытный фактъ, что усыновленіе у турецкихъ христіанъ иногда выражается въ формѣ подражанія акту рожденія: усыновляемый (въ дѣтскомъ возрастѣ) пропускается чрезъ рубашку лежащей въ постели жены усыновителя. Въ этой символической процедурѣ, несомнѣнно, заключается элементъ мусульманскаго обычая усыновленія, которое у турокъ прямо и называется «пропусканіемъ чрезъ воротъ рубашки», при чемъ актъ этотъ встрѣчается только вдали отъ культурныхъ центровъ и безъ вѣдома церковной власти, которая относится къ нему съ безусловнымъ порицаніемъ, какъ къ обычаю не христіанскому (стр. 111—112).

Настоящая новая работа профессора И. И. Соколова, уже занявшаго почетное мѣсто благодаря своимъ прежнимъ трудамъ ¹⁾ среди византо-

¹⁾ Профессору И. И. Соколову принадлежатъ, между прочимъ, слѣдующія капитальныя работы: «Состояніе монашества въ византійской церкви съ половины IX

логовъ, заслуживаетъ особаго вниманія всѣхъ интересующихся исторією Византіи, вообще, и Греко-восточной церкви, въ частности.

Желаемъ почтенному автору дальнѣйшихъ успѣховъ въ его научныхъ работахъ!

Профессоръ М. Красноженъ.

Ю. Кулаковскій. *Исторія Византіи.* Томъ I. Кіевъ, 1910. 536 стр., 8° тај., съ 4 табл. Цѣна 3 руб.

Авторъ, классикъ по своему образованію и по своимъ спеціальнымъ занятіямъ, чувствуетъ себя обязаннымъ указать на тотъ путь, какимъ онъ пришелъ въ новую область историческаго знанія. Историко-филологическій факультетъ университета св. Владиміра поручилъ ему чтеніе курса по исторіи Византіи. Проф. Кулаковскій, какъ онъ сообщаетъ намъ въ предисловіи, «изъ стараго Рима перешелъ въ новый и успѣлъ въ своемъ курсѣ обозрѣть со своими слушателями жизнь имперіи до знаменательной эпохи возникновенія священной римской имперіи Карла Великаго. Тѣ затрудненія, которыя создаетъ для учащихся отсутствіе въ нашей литературѣ общихъ сочиненій по исторіи Византіи, побудили его приняться за обработку своего курса по конспектамъ, которые онъ составлялъ для лекцій. Само собою разумѣется, что пришлось опять обратиться къ источникамъ и его текстъ, по мѣрѣ обработки, разрастался противъ того, что было въ концептѣ». Не смотря на эти слова, для рецензента не ясно, какъ онъ долженъ смотрѣть на трудъ Ю. А. Кулаковскаго и съ какой точки зрѣнія его критиковать. Исторія Византіи можетъ быть популярнымъ сочиненіемъ (какова напр. книга Герцберга) и спеціальнымъ изслѣдованіемъ (напр. многотомный трудъ Лебо), и въ томъ, и другомъ случаѣ нельзя прилагать одну общую мѣрку. Въ настоящую минуту чувствуется большая потребность въ популярной исторіи Византіи, которая удовлетворяла бы современнымъ научнымъ требованіямъ и могла бы въ то же время служить университетскимъ учебникомъ. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Кіевѣ исторія Византіи введена въ кругъ обязательныхъ предметовъ, а единственная книга, доступная студенчеству и могущая дать ему и публикѣ сколько-нибудь цѣльное представленіе о судьбахъ византійской имперіи, исторія Герцберга вышла въ русскомъ переводѣ 15 лѣтъ тому назадъ, въ оригиналѣ 28 лѣтъ тому назадъ, устарѣла и къ тому же представляетъ библиографическую рѣдкость. Если судить по черезчуръ элементарнымъ картамъ, пригоднымъ развѣ для гимназическаго учебника, по элементарному изложенію государственнаго устройства римской имперіи въ IV вѣкѣ, можно думать, что авторъ имѣлъ въ виду широкую публику. Этому противорѣчатъ, однако, постоянныя ссылки на источники